

ББК 63.3(4 Вел)51

УДК 94(410.1)

Англия в эпоху революции середины XVII в. глазами русских

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

England in the Age of the Civil War of the Mid-Seventeenth Century through Russian Eyes

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье анализируются материалы русского посольства Г.С. Дохтурова в Англию 1645–1646 гг. Эти материалы являются ценным источником для так называемой исторической имагологии и позволяют реконструировать образ Англии и англичан этого периода в глазах представителей иной культуры и иных политических традиций. В целом, как выясняется из рассмотренных источников, у русских очевидцев сложился весьма благоприятный образ Англии. Несмотря на суровые революционные времена, она показалась им великолепной богатой страной с высокой культурой. Англичане представлялись любезными и образованными людьми. Такой взгляд на Англию находит отражение и в некоторых других русских источниках тех времен, не имеющих отношения к материалам посольства Дохтурова.

Популярность положительной тенденции восприятия западноевропейской культуры у многих мыслящих русских людей связана с происходившей еще задолго до Петра I «вестернизацией» русской культуры. Русская культура, являясь частью европейской, и без того имела многочисленные точки соприкосновения с другими европейскими культурами. Но постепенно, по мере лучшего знакомства с ними, развитая западноевропейская культура вызывала у многих русских все большую симпатию и определенное желание подражать.

Ключевые слова: национальный образ, историческая имагология, англо-русские связи, английская революция, история дипломатии.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-16

Имагология, т.е., в самом широком смысле, исследование образов «чужого», зародившись в рамках сравнительного литературоведения и изначально предполагая своим источником художественную литературу, давно перешагнула эти границы. Современная

The article analyzes the materials of Russian mission of G.S. Dokhturov to England (1645–1646). These materials are a valuable source for the so-called historical imagology and allow reconstructing the image of England and the English in this period in the eyes of the representatives of a different culture and different political traditions. In general, according to the researched sources, Russian witnesses had a very favorable image of England. Despite the harsh times of the Civil War, it seemed to them a splendid rich country with high culture. The English seemed polite and educated people. This view of England is also reflected in some other Russian sources of the time, not related to the materials of Dokhturov's mission.

The popularity of the positive trend in the perception of Western culture among many intellectual Russians is associated with a “Westernization” of Russian culture which took place long before Peter the Great. Russian culture, as a part of European culture, already had numerous points of contact with other European cultures. The closer acquaintance with the advanced West European culture caused many Russians ever greater sympathy and a certain desire to imitate.

Key words: National images, historical imagology, Anglo-Russian relations, English Civil War, diplomatic history.

имагология — это междисциплинарное направление, и ее предметом являются не только литература, но и фольклор, и различные виды искусства, например кинематограф, и, конечно, историческая традиция. Наличие большого числа исследований историче-

ского материала позволяет говорить о возникновении так называемой исторической имагологии, предмет которой можно определить как изучение «формирования и трансформации представлений одного народа о другом» на материале исторических источников (архивных документов, мемуаров и т.п.) ([1, с. 31], ср.: [2]). Трудность такого рода исследований заключается прежде всего в скудости интересных с точки зрения имагологии сведений в исторических источниках. Во всяком случае, такая скудость обнаруживается, когда начинаешь изучать культурные контакты давно прошедших эпох. Поэтому даже крупницы сведений на тему восприятия чужой культуры, содержащиеся в источниках, являются большой ценностью, а уж если в руках исследователя вдруг оказывается какой-то более или менее развернутый текст, то это можно считать настоящим подарком судьбы.

Сказанное в полной мере относится к истории восприятия западноевропейской культуры в допетровской России. Специальных источников, представляющих интерес для имагологии, здесь сравнительно немного. Основным видом источников, где содержатся описания чужих стран и народов, служат официальные записки русских послов, побывавших за границей, так называемые *статейные списки*. По своему характеру это официальные отчеты, в которых больше внимания уделяется описанию результатов выполнения дипломатического поручения и добытых сведений, востребованных правительством, а также различных подробностей относительно соблюдения дипломатического этикета. Тем не менее во многих статейных списках можно встретить интересные и весьма ценные для имагологии описания чужих культур. А иногда удается обнаружить неофициальные и потому более свободные по форме изложения источники, которые, конечно же, становятся ценными находками для исторической имагологии.

Таков случай с историей русского восприятия Англии в XVII в. В наших предыдущих статьях мы уже начали рассматривать эту тему [3–4]. Говоря о начале XVII в., мы подробно рассмотрели весьма содержательный и интересный источник — статейный список посольства Г. Микулина и И. Зиновьева. Не менее интересные источники мы имеем и для периода английской революции середины XVII в. — любопытнейшей эпохи, восприятие которой со стороны представителей иной культуры, и в том числе иных политических традиций, заслуживает особого внимания. Речь пойдет о материалах русского посольства Г.С. Дохтурова в Англию 1646–1647 гг. Эти материалы намеренно не были рассмотрены в предыдущей статье, посвященной проблеме русско-английских контактов и восприятия в России Англии в эпоху революции [4], поскольку представляют отдельный интерес и, безусловно, заслуживают самостоятельного исследования.

Таким образом, задачей настоящей статьи является анализ материалов посольства Дохтурова и выявление особенностей восприятия революционной Англии русскими очевидцами. Кроме того, мы затронем и некоторые другие русские литературные источники, дополняющие картину восприятия Англии того времени русскими современниками. Наконец, как всегда при изучении проблемы межкультурных коммуникаций, т.е. когда речь идет о взаимном общении народов, нам трудно будет обойти вниманием также и «обратную сторону» — тему отношения англичан того времени к России и русским.

Историография проблемы англо-русских связей в эпоху революции была подробно рассмотрена в предыдущей статье [4]. Что касается изучения непосредственно материалов посольства Дохтурова, то здесь наибольший вклад принадлежит ярославскому ученому З.И. Рогинскому, который впервые опубликовал статейный список этого посольства и еще один ценный источник — содержащийся в найденном в г. Солигаличе рукописном сборнике пересказ статейного списка, а также дополнительный рассказ «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли» [5–6]. Все эти материалы принадлежат, по-видимому, перу Федора Архипова, переводчика и секретаря посольства. Следует заметить, что к этому времени в России уже появились собственные английские толмачи, чего не было еще полвека назад, когда ими служили, как правило, англичане (ср.: [3, с. 159]). Анализ этих документов, а также некоторых других русских источников об Англии того времени содержится в монографии М.П. Алексева [7, с. 46–66]. Из новейших исследований, затрагивающих эту тему, следует упомянуть статью А.А. Зевахина, посвященную политическим задачам миссии Дохтурова [8], и статью В.П. Шестакова, в которой использованы материалы посольства, опубликованные З.И. Рогинским [9].

13 августа 1645 г. в Англию было отправлено посольство с извещением о вступлении на престол нового царя — Алексея Михайловича. Заметим сразу, что все даты приводятся нами по старому (юлианскому) стилю, который использовался тогда как в России, так и в Англии и который в XVII в. отставал от нового на 10 дней. Возглавил посольство Герасим Семенович Дохтуров — тогда еще, видимо, подьячий (как дьяк он упоминается только в 1649 г. ([10, с. 120; 11, с. 105]; ср.: [12, с. 40]). Г.С. Дохтуров (иногда называемый также Дохторовым, Докторовым) происходил из московского дворянского рода, восходящего к Кириллу Ивановичу, прибывшему в Москву во времена Ивана Грозного. Этот Кирилл впоследствии стал личным врачом Федора Иоанновича, откуда и прозвище «дохтур», превратившееся в фамилию (см.: [13, с. 801; 14, с. 275]). Его отдаленным потомком являлся один из знаменитых участников Отечественной войны 1812 г. — генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров.

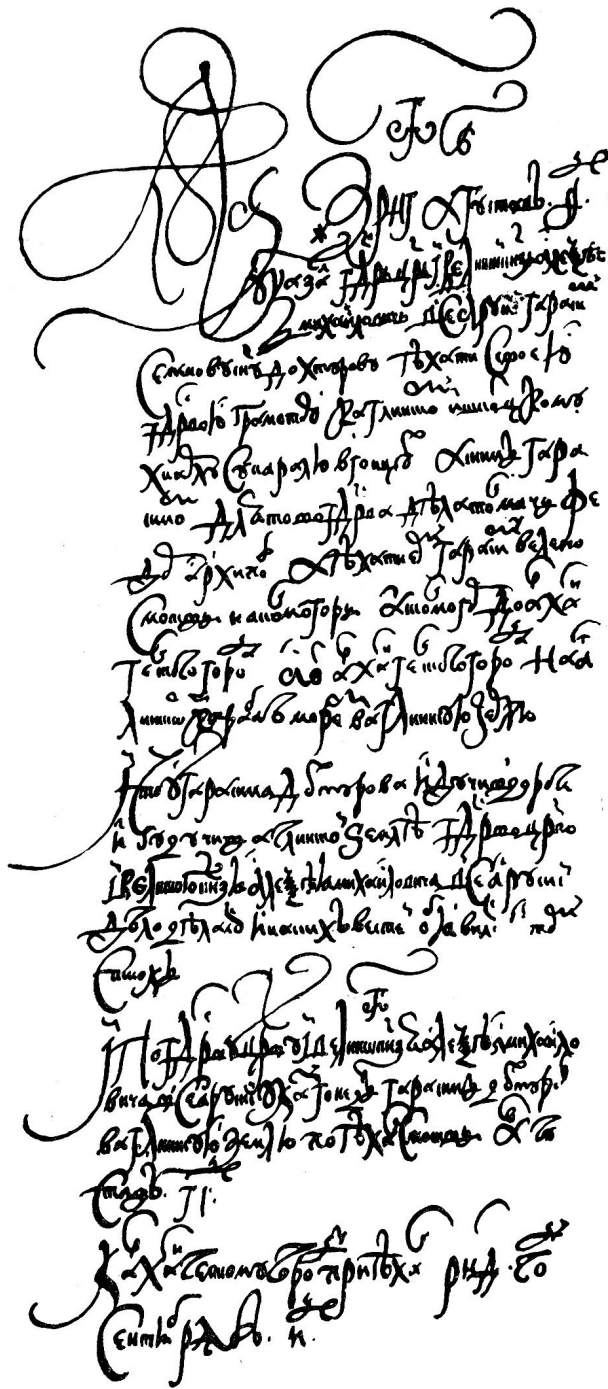

Рис. 1. Первый лист статейного списка Г.С. Дохтурова. Уменьшенная фотокопия [5, вклейка после с. 18]

У Г.С. Дохтурова уже имелся определенный дипломатический опыт, так как в 1642 г. он участвовал в посольстве в Данию (см.: [15, с. 158]). Строго говоря, Герасим Дохтуров был по статусу не послом, а «гонцом». Чаще всего для каких-то срочных дел отправлялись именно «гонцы». Поскольку русские дипломаты того времени особо тщательно следили за соблюдением нюансов этикета и титулатуры, Дохтуров однажды возмутился тем, что в английской грамоте он был на-

зван, в интерпретации русской стороны, «посланником», и англичанам пришлось ему объяснять, что слово «месинчер» [messenger] «по их аглинскому языку одно: гонец и посланник» [5, с. 36] (на самом деле в грамоте все верно: слово messenger как раз вполне точно передает тогдашний русский термин «гонец», тогда как слову «посол», как правило, соответствует английское ambassador. — В.К.). В состав миссии входило восемь человек, в том числе вышеупомянутый «посольского приказу аглинского языку толмач» Федор Архипов (очевидно, бывший секретарем посольства и автором рассматриваемых источников [6, с. 7]), шурин Архипова Иван Золотилов и поп Василий [6, с. 5]. Имена прочих не сохранились.

Посольство отправилось в Англию на одном из английских торговых судов (как это всегда и бывало) 11 сентября. Незадолго до прибытия посольства в Англию там стали готовиться встретить его с большим почетом. По словам историка Б.Ф. Поршнева, исследовавшего эту тему в своей монографии об английской революции, «английский парламент счел нужным придать совершенно исключительную торжественность и пышность приему русского посольства, и это отнюдь не только по колониально-коммерческим соображениям, но еще более, дабы перехватить у Карла I и его Совета эту линию внешнеполитических связей» [16, с. 250]. Английские купцы «Московской компании» заранее обратились к парламенту с петицией, в которой выражали просьбу оказать «прибывающему русскому министру» достойный прием, «как до сих пор повелось», и предоставить резиденцию, «дабы он уразумел, что даже в отсутствие его величества нашего короля, все же и парламент проявил должное внимание к достоинству его господина, выказав почтение, приличествующее ему, прибывшему от такого великого императора» ([17, р. 696], ср.: [8, с. 53]). Далее выражается пожелание, чтобы с дозволения парламента один из секвестрированных [sequestered] домов в лондонском Сити (конфискованных у кого-то из знати, по мнению З.И. Рогинского, к которому присоединяется и Б.Ф. Поршнева [6, с. 10, прим. 4; 16, с. 250]) «был бы предоставлен для его резиденции, где податели сей петиции могли бы позаботиться о его достойном увеселении [honourable entertainment]» [17, р. 696]. Петиция купечества, как увидим ниже, была полностью удовлетворена: посольство было встречено и на всем протяжении своего пребывания в Лондоне окружалось огромным почетом, а под посольскую резиденцию действительно было выделено одно из правительственных зданий на крупной улице Чипсайд.

По прибытии посольства в порт Грейвзенда его встретили салютом из 16 пушек, а затем представители парламента и купечества сопроводили его по Темзе в столицу на специальном судне, обитом красным бархатом и украшенном коврами. При въез-

де в Лондон посольство встретил почетный эскорт из купцов Московской компании во главе с ее «говорнаром» («губернатором», или управителем) Ричардом Снеллингом: «И приехали ко пристанищу, и тут на берегу встретили пешие люди в платье золотом и оружье приправное, а на плечах у них пришиты клейма парламентовы золотые. И тут посадили нас в кочи (от английского “coach”, экипаж, карета (см.: [3, с. 161]). — *В.К.*), а Герасиму Семеновичю коча вся золотая, а внутри все бархат, подушки золотые, а лошадей под нею впряжено 12 и возников тож, а на них шлеи все золотые, а людем иные кочи и поехали посадами. А в посадах встретили конные в черном платье, весь парламент... И приехали ко двору, где стоять послу, и на дворе загрубили в трубы и в иные разные игры, а миру столь много, что не можно и проехать» [6, с. 5–6].

Еще в пути в Лондон Дохтуров узнал от сопровождавших его купцов о войне короля и парламента. Когда он поинтересовался, где сейчас находится король, в Лондоне или в каком другом городе, ему ответили, что «король ныне в Лондоне не живет, а где ныне король живет, и про то им подлинно неведомо, потому что у них с королем война большая годы с четыре и больши», и что «ныне вместо короля Лондоном и всею Аглинскою и Шкотцкою землею владеют парламент: изо всяких чинов выбраны думные люди». На вопрос Дохтурова, «за что у них межусобье и война с королем учинилась», купцы ему ответили, что «у них война с королем учинилась за веру, как женился король их у французского короля на дочери, а веры она папешские, и королева де их и короля привела в свою ж папешскую веру. И по ее велению король учинил арцыбискупов и езовитов [архиепископов и иезуитов], и многие де было люди, смотря на короля, приняли папешскую веру» ([5, с. 24–25], ср.: [5, с. 21]).

Это не совсем верные сведения: король, конечно, не перешел в католичество (хотя пуританами его правление воспринималось именно как ренессанс католического авторитаризма в церковной жизни). Но он симпатизировал консервативному (прокатолическому, с точки зрения пуритан) крылу в англиканской церкви, возглавлявшемуся архиепископом кентерберийским Уильямом Лодом, которого в начале революции парламент взял под стражу, а в 1645 г. казнил. Об этой казни далее упоминается в ответе купцов, переданном в статейном списке: «сверх тово королю похотелось владеть всем королевством по своей воле, как и в иных государствах государи владеют своими государствами, а здесь де искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владели всем парламент, думные люди. И почал де было король все делать по своей воле, и парламент того не похотели, и арцыбискупа и езовитов многих казнили, которые по каралевскому велению папешскую веру вводили. И видя король, что парламент учели делать по своему извычаю, как в их королевстве искони пове-

лось, а не по ево королевскому хотению, и король с королевскою из Лондона выехал сам, никто ево не высылал. А сказал, что поехал гулять в иные города, и, выехав из Лондона, королеву отпустил во Французскую землю, а сам учал воевать» [5, с. 25].

Из этих сообщений видно, что сторонники парламента выдвигали на первый план прокатолическую позицию Карла I, зная, что в Москве не любят католиков, и надеясь тем самым склонить посла на свою сторону. Что же касается второго аргумента против короля (стремления его править по своей воле), то он навряд ли мог найти сочувствие у представителя «самодержавного» государства, хотя Б.Ф. Поршневу полагал, что, возможно, парламентарии рассчитывали «на сочувствие этому аргументу со стороны Боярской думы» [16, с. 250].

Когда Дохтуров прибыл в Лондон (27 ноября), его спросили, какой у него есть приказ или грамота к парламенту, на что он с удивлением ответил: «К парламенту грамоты и приказу никакого нет; пусть парламент отпустит меня к королю немедленно». На это от имени «владеющего парламентом» послу было заявлено, что «парламент тебя к королевскому величеству не отпустит, чтобы царского величества имени поруки не учинилось и на дороге над тобою от воинских людей какого дурна не было; да и потому не отпустит, что за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никого нет, те люди, вся кумпанья [английская «Московская компания»] за парламентом, а не за королем». Дохтурову также пообещали, что если король приедет в Лондон, то послу идти к нему «будет вольно», если же нет, то парламент отпустит посла «на первых кораблях с великою честью» [5, с. 30–31].

Наконец, 8 мая 1646 г. Дохтурову сообщили о победе над королем и даже якобы о взятии его в плен (на самом деле король был выдан шотландцами только спустя год, в феврале 1647 г. [18, с. 60–68]): «...парламенту и им всем в Аглинской земле Бог дал радость, что король их аглинской у парламента ныне в руках, майя в первый день здался в войско Шкотцкое» [5, с. 37]. Узнав об этом, Дохтуров вновь обратился к парламенту с просьбой допустить его к королю, на что получил такой ответ: «Хотя де король ныне и у парламента в руках, только де тебя, Герасима, к нему не отпустят, потому что он ничем не владеет» [5, с. 38]. Таким образом, Дохтурову пришлось все-таки идти на прием в парламент.

Прежде чем отпустить посла, принимавшая сторона решила воздать ему достойные почести, устроив для него торжественный обед. Но посол приглашения ехать к английским купцам на обед не принял, заявив, что «к ним есть ехать не пригоже, потому что ево, Герасима, парламент х королю не пропустили» [5, с. 38]. Зато он все же согласился на обед в его апартаментах. Этот большой обед, данный Дохтурову и его спутникам купцами Московской компании, со-

стоялся 23 мая 1646 г. Он являлся своеобразным официальным приемом, организованным в честь русского посольства [6, с. 14, прим. 24].

На обеде присутствовали, как говорится в статейном списке, «ис парламента боярин милард Станфорд [граф Стэмфорд], да князь Алферей Флемин [сэр Оливер Флеминг], да кумпанейской говорнар [Ричард Снеллинг], да с ними дворян и полковников человек с 30, да кумпаней человек со 100 и больши». В альтернативном неофициальном рассказе о поездке Дохтурова (из солигаличского сборника) об этом обеде рассказывается следующее: «...а кумпанию делали нам стол вместо королевского стола о Петрове заговинье в субботу, и гостей было всяких много бояр и торговых людей, а питья и еды столь много, что и числа нет; а сказали Герасиму Семеновичу толмачи, стал тот стол в 60 рублей» [6, с. 14].

13 июня Дохтуров был принят в парламенте. Любопытно описание внешнего вида и интерьеров здания английского парламента: «А Восминстер велик горазно, кругом боле версты, а высок столь, что умом не мочно сметить, а крыт свинцом, а в-ысподи под ним торги всякие... И привели нас в полату, и та наряжена добре хорошо, стены обиты коврами дорогими, а серед полаты — королевское место, а у королевского места ковры высажены жемчугом и камением драгим, и на стулах подушки тож жемчугом и камением драгим» [6, с. 14–15].

Описание состава английского парламента несколько разнится в двух имеющихся русских источниках. В статейном списке сказано, что на заседании палаты лордов было «человек их с 40» ([5, с. 42]; ср.: [6, с. 14, прим. 28]), а в пересказе статейного списка в солигаличском сборнике называется число «больших бояр» 12 человек [6, с. 14]. На самом деле в протоколе этого заседания палаты лордов указано 19 имен [19, р. 373]. Число членов палаты общин согласно статейному списку — 420 человек, а в солигаличской версии — 600. Вот как описывается этот так называемый Долгий парламент в статейном списке: «А парламента де сидят в двух палатах, и выбираны де те думные люди Аглинские и Шкотцкие земли изо всех чинов и изо всякого города человека по 3 и по 4; в единой же палате сидят бояр 60 человек, а в другой палате мирских и служащих и не торговых людей 420 человек» [5, с. 25].

Прием Дохтурова в парламенте описывается в источниках следующим образом: «И как мы вошли в ту полату, и та полата украшена добре хорошо, и бояра седеят кругом по местам на подушках, а серед полаты королевское место. А как мы пришли, и оне все седеят, лишь только один стал речник [спикер], кой от всех речи говорит». При входе гонца в палату лордов все сняли шляпы, встали и стоя выслушали его речь, в которой он сетовал на то, что его не отпустили к королю и долго не отпускали назад в Россию.

Затем «начальный человек» в палате лордов, «боярин милард Манчистер» (председатель палаты лордов граф Манчестер) предложил гонцу сесть, и ему подали кресло, обитое красным атласом. В парламенте Дохтурову торжественно вручили грамоту, при этом он настоял, чтобы при вручении все лорды опять-таки встали [6, с. 14–15].

После вручения грамоты член парламента сэр Оливер Флеминг взял ее у Дохтурова назад, сказав, «чтоб он, Гарасим, в том не подосадовал и шол бы с ним, князь Алферьем, в другой парламента (имеется в виду палата общин. — *В.К.*), где сидят всяких чинов выборные люди ото всего королевства 420 человек. А в их де королевстве так повелось: наперед объявят и отдадут лист бояре, а потом отдадут в другом парламенте ото всего королевства всяких чинов выборные люди». В палате общин гонца встретили «з державою каралевства, а держава серебряная золочена, зделана фонарем; и понесли державу в полату перед гонцом» [5, с. 43]. Когда Дохтуров вошел в палату, «и парламента все встали и шляпы с себя все сняли. А сидят парламента в той полате по ступеней, на все четыре стороны вверх пошли ступени, а по середке полаты на низу за столом сидит речник Ульян Лентал (спикер палаты общин Уильям Лентолл. — *В.К.*), который за всех говорит» [5, с. 44]. Гонца сказал речнику такую же речь, какую говорил лордам, а затем последовала такая же церемония, как и в верхней палате [5, с. 45].

Следует отметить, что парламента до этого отправил в Москву еще одну грамоту, датированную 10 марта 1646 г. Дохтуров попросил, чтобы ему передали ее копию. Таким образом, он привез в Москву две грамоты. Английские тексты грамот приводятся в собрании протоколов палаты лордов [20, р. 206–207; 21, р. 339], а русские тексты, как и большинство других материалов английского посольства Дохтурова, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, впервые опубликовал З.И. Рогинский [5, с. 61–64, 66–69]), заметивший, между прочим, что прежние исследователи темы ошибочно принимали эти две грамоты за одну и ту же [5, с. 57, прим. 65]. Обе грамоты подписаны спикерами обеих палат, лордом Манчестером, «речником в парламентарной полате от бояр», и Уильямом Ленталом, «речником из мирския думы» (см.: [5, с. 64, 69]). В грамотах выражается поздравление царю Алексею Михайловичу по поводу его восшествия на престол и желание продолжать «дружелюбие, и приятство промеж государств», а также высказываются некоторые конкретные просьбы, касающиеся торговли английских купцов в России. В конце второй грамоты гонцу Дохтурову дана весьма лестная характеристика от парламента: «А он во все то время, будучи здесе, своим добрым разумом оказался вашего преславного величества раде-

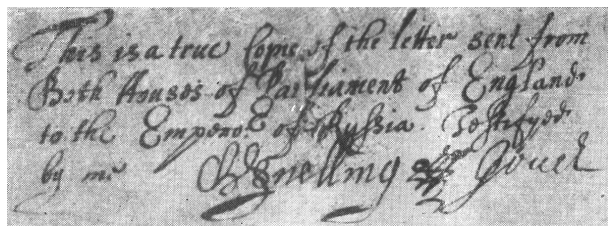

Рис. 2. “This is a true copie of the letter sent from Both Houses of Parliament of England to the Emperor of Russia” («Это верная копия письма, посланного обеими палатами английского парламента российскому императору»).

Левый нижний угол копии грамоты парламента царю Алексею Михайловичу от 10 марта 1646 г. с подписью губернатора (управителя) «Московской компании» Ричарда Снеллинга, заверившего эту копию [5, вклейка после с. 64]

тельной и покорной слуга» (“all the Time of his Abode here hath, by his good Discretion, shewed himself a most dutiful and right humble and obedient Servant to Your Most Glorious Majesty, Great and Famous Prince”) [4, с. 68; 20, р. 339].

23 июня 1646 г. посольство Дохтурова выехало из Лондона на корабле «Адванс» (“Advance”, «Успех») [5, с. 46; 6, с. 15, прим. 37] и 9 августа [5, с. 11, прим. 13] вернулось в Москву, пропутешествовав, таким образом, почти ровно год. Английская «Московская компания» истратила на содержание и прием посольства в общей сложности 1500 фунтов стерлингов [22, с. 101].

Такой знатный прием уже должен был немало поспособствовать формированию у членов русской делегации самого благоприятного отношения к Англии, но, наверное, все же главным фактором стала сама английская действительность, английская культура, производившая даже в эти смутные в истории Англии времена весьма положительное впечатление на представителей более простой и технически более отсталой русской культуры, какой она была в допетровские времена. Многие из увиденного представлялось тогда необычным русским людям, впервые попавшим в совершенно иной культурный мир, сильно отличавшийся от привычного им, и поэтому зачастую описывалось со всеми подробностями. Общие впечатления об Англии и англичанах содержатся в той части неофициального рассказа о посольстве Дохтурова из солигаличского сборника, которая озаглавлена «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли». В этом рассказе его предполагаемый автор толмач Федор Архипов выступает не как официальный представитель московских властей, облеченный статусом участника посольства, а как простой человек, с неприкрытым любопытством описывающий чужую страну и народ.

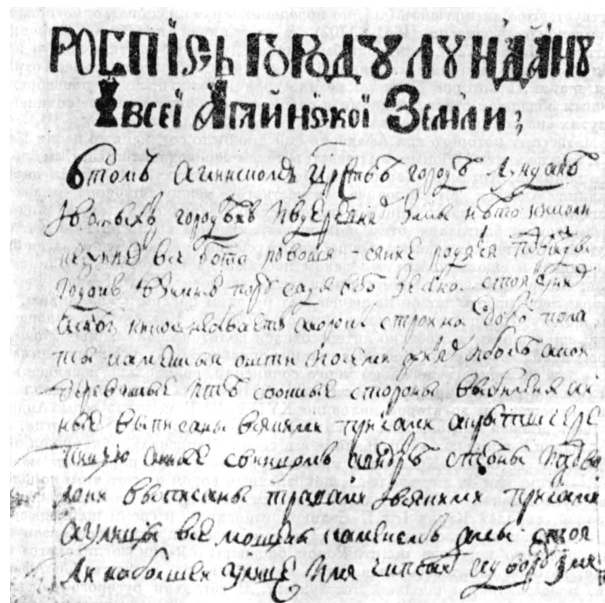

Рис. 3. «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли».

Уменьшенная фотокопия начальной страницы [7, с. 59]

По словам исследователя В.П. Шестакова, описание Англии в этом фрагменте «выдержано в духе явного „англофильства“» [9, с. 112]. Текст начинается с общей характеристики Англии: «В том Аглинском государстве, городе Лундане и в иных городех и в деревнях зимы нет, николи не живет — все лето. И овощи всякие роятся по дважды годом, и в зимнюю пору сады все зелены стоят у них, а снегу николи не бывает. А хоромы стройны добре, полаты каменные о шти и о семи жильях [комнатах] и боле, а кои деревянные, и те своиные стороны выбилены, а иные выписаны всякими притчами, а крыты черепицею, а иные свинцом, а внутри стены и подволоки выписаны травами и всякими притчами. А улицы все мощены камнем... А земля их всем изобильна: серебра много безчисленно, и всяких товаров... А извоцики у них держат кочи, а кочи рублев по 70 и по 100, внутри у них стены обиты и подушки все бархатом и камкою и отласом, а колеса кругом железом окованы, возят на двух лошадях...» [6, с.10, 13].

О невероятном изобилии и благосостоянии английского народа в рассказе говорится очень много и подробно: «И всяких чинов люди хлеб купят с торгу на всякой день много, и всякой харч купят с торгу на всякой день, а иново нечево не держат. А хлеб ядят все пшеничной белой, а черново не держат. Мясо и рыбу и всякой харч купить дорого... А платье у них во всей земли носят одинакое, — все доброе сукна, кои ратные люди, а торговые люди — все отласное да бархатное, да камчатое все дорогое платье. А в лавках товаров стоит много всяких и числа нет... А посуды у них держат во всей земли оловянные, а бога-

тые кои люди, у тех серебряные да золотые, потому что у них серебра много и золота и олова, а деревянных посуды нет. Всем их земля изобильна: хлебом, и деньгами, и всякими дорогими товары, и узорочьями» [6, с. 10, 13–14]. З.И. Рогинский по этому поводу замечал, что нужно учитывать тот факт, что члены посольства имели возможность наблюдать в основном жизнь состоятельных англичан, так как жили в очень престижном квартале (см.: [6, с. 8]). Однако автор рассказа упоминает и о нищих [6, с. 11], а также восхищается благотворительностью, проявляемой по отношению к сиротам: «Да в том же граде Лундане зделан двор для бедных людей, которые остаются от отца и матери меньше 15 лет, и емлют тех на тот двор, поят и кормят миром, и платье дают готовое, и постели...» [6, с. 12–13].

Интересны сведения об английском народе, обычаях и культуре: «А люди у них все учены в грамоте, мушны и женьщины во всей земли, а попы у них многим языком умеют... А владеют домами жены, и мужем владеют, а жены мужей честнее... А люди у них добре ласковы во всей земли, любительны...». Последнее замечание можно считать высшей похвалой англичанам, поскольку такое лестное мнение о «чопорном» английском характере встречается далеко не часто в мировой литературной традиции (в том числе и в самой английской). Даже некоторые жесткие обычаи автор, в духе своего времени, склонен одобрять и подгонять под свою идиллическую картину: «А воровства у них никакова нет, а буде кто зворует и украдет хотя что невеликое, и тех людей вешают».

Единственный встречающийся в рассказе отрицательный отзыв об англичанах связан, конечно, с событиями революции, а также с кощунственным, с точки зрения православного, отношением пуритан к святыням. Этот сюжет начинается с примечательного самого по себе описания моста через Темзу (London Bridge): «А на реке Темзе зделан мост каменной, а на мосту по обе стороны стоят дворы великия и торги всякия. А по конец того мосту — двор великой, в-ыспод — ворота с мосту, а на дворе — полаты высокие, а на полатах — копыя, а на копыях многия человеческия головы, кои казнят за веру и за измену, кои с королем вместе. А вера у них недобра, посту николи не бывает, и поститися никогда не знают. А при короле, сказывают, что вера была лутче, король веровал папешкую веру; и оне королевскую веру выводят». Заметим, что это редкий случай положительной оценки католицизма в русской традиции тех времен. Как мы знаем, представители парламента специально подчеркивали прокатолическую позицию короля, чтобы настроить против него неприязненных по отношению к католикам русских. Но эта уловка оказалась тщетной: наблюдая воочию радикальных пуритан, католики, по сравнению с ними, видимо, показались русским сущими агнцами. Особенно от-

вратительное впечатление на русских произвело, судя по рассказу, уничтожение икон «папешские веры», которое устроили пуритане «на Светлой недели в четверток» на улице Чипсайд, недалеко от резиденции русского посольства: «И свозили на то место много икон и крестов золотых и сребрянных... и велели те иконы исколоть и жечь служилым людем. И служивые тотчас приступили и стали иконам наругатися, как искололи все, и склали на огонь, и сожгли. И заповедали во всем государстве, чтоб в тое веру ни хто не веровал, а хто будет станет веровать и найдут иконы, и тому казнь жестокая» [6, с. 11–12].

Но, с другой стороны, в рассказе немало и положительных впечатлений от английской религиозной жизни. В самом начале рассказа о Лондоне говорится о том, как много там церквей, как они красивы и как красиво звонят: «А во всем Лундане черней (т.е. «черчей» — от англ. church, церковь; первоначальное написание, вероятно, было искажено переписчиком, не знакомым с английским языком [6, с. 11, прим. 9]) больше 300, а у всякие часы; а черни все каменные, камень белой, делом столь хороши, ни умом сметить человеческим, а кругом окончины все стекольчатые большие цветные. А иные черни вдоль величиною на версту, а иные и боле... Да в том же государстве и в иных городех и в деревнях, звон неудобосказаем, звонят мудростию заводными колесами, а звонят псалмы Давыдовы и тонцы всякие... А у которой черни мы стояли, и тот звон добре хорош, на всякой день сами колокола звонят без людей, и тонцы всякие перемненные по вся недели» [6, с. 11; 7, с. 55].

Вообще, в рассказе лаконично представлена, по сути, словесная панорама всего тогдашнего Лондона. Вот так характеризуется лондонская биржа: «Да в том же граде Лундане зделан двор добре хорош, украшен, а имя ему Енчайжн (искаженное англ. Exchange [6, с. 12, прим. 16]), а на том дворе всякие узорочья. Вверху торгуют, а высподи сходятся на всякой день торговые люди по дважды днем; а изо всех государств и городов вести приходят на тот двор, и гуляют на том дворе торговые люди один час, проводят вести и расходятся». В числе достопримечательностей автор рассказа упоминает и лондонский зверинец: «Да в том же граде Лундане потешной двор, а на том дворе много львов и всяких зверей». Причем наряду со всякими диковинными «индейскими» зверями автор, очевидно, не без гордости отмечает присутствие в зверинце и «всяких диковинок и зверей московских» [6, с. 12].

Завершая характеристику этого прелюбопытно описания Англии русским очевидцем, следует отметить, что такой его англофильский взгляд далеко не уникален, а скорее даже закономерен в русской литературной традиции того времени. Европейская культура уже давно и все сильнее привлекала многих более или менее образованных людей в Московском

Рис. 4. Лондон в 40-х гг. XVII в. Голландская гравюра 1640 г. [5, вклейка в начале книги]

государстве. Если бы такой тенденции не существовало, навряд ли стало бы возможным появление Петра с его неистовой вестернизацией. Совершенно в сходных с «Росписью Лундану», а местами даже в более панегирических красках Англия и англичане описываются, например, в составленной русским книжником по иностранным источникам «Книге, глаголемой козмография...» (1670 г): «Английские люди добробразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобны итальяном. Житие их во нравах и обычаех чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно. Воинскому чину искусны, храбры и мужественны... Морскому плаванию паче иных государств зело искусны, ...ествы прохладные, пива добрые... Жены их красовиты...» ([7, с. 48–49]; ср.: [23, с. 75–79]). Из сказанного не стоит делать вывод о формировании в России уже тогда некой англофильской тенденции, так как благоприятная тенденция касалась, как говорилось выше, восприятия западноевропейской культуры в целом. Примеры этой тенденции можно встретить в русских источниках уже по крайней мере с первой половины XV в. (см. [24]).

Подводя итог всему изложенному, нужно прежде всего отметить, что у русских очевидцев сложилось в целом довольно благоприятное мнение об Англии и англичанах, и даже революционные события характеризуются в записках посольства Дохтурова, на наш взгляд, гораздо более нейтрально, чем в официаль-

ных московских кругах. Поэтому можно согласиться с мнением З.И. Рогинского об отсутствии в этих записках антипарламентской тенденции, которую «совершенно бездоказательно» приписывали им некоторые исследователи [5, с. 10–11].

Такое отношение можно объяснить, разумеется, не столько сочувствием парламентской стороне, сколько, во-первых, стремлением русских дипломатов объективно и беспристрастно передавать узнаваемые факты, не допуская от себя каких-либо оценок. Во-вторых, нужно учесть, что посольство имело место до казни Карла I, которая (о чем мы говорили в нашей предыдущей статье [4]) стала поворотным пунктом в изменении отношения к новому английскому режиму. Но главное влияние, по-видимому, оказали такие факторы, как в целом очень достойный прием посольства, что не раз подчеркивается в посольских записках, а также очевидная симпатия, которой прониклись участники посольства к развитой английской культуре, виденной ими впервые, — культуре, которая (как это чувствуется из контекста) вызывала явное желание подражать.

Россия до Петра I была, по сравнению с передовыми странами Западной Европы, достаточно отсталым государством. Прежде всего это касается развития техники и образования. И это заметно даже по рассмотренным нами текстам источников. Для английских текстов характерна высокая грамотность, единообра-

зие в письме, в русских же текстах, наоборот, бросается в глаза значительное разнообразие в написании слов, частые ошибки, что объясняется незнанием и вообще элементарным отсутствием на тот момент грамматики современного русского языка.

Однако, несмотря на техническое и культурное отставание, Россия вовсе не являлась в эти времена неким противоположным западному миру «варварским» государством. В Англии, например, как мы видели, ее воспринимали как великую империю и ее послам оказывали большой почет. Россия принимала определенное участие в общеевропейской жизни, и в хороших отношениях с ней были заинтересованы многие европейские страны. Правда, этот интерес был в основном торговым, что особенно ярко видно как раз на примере с Англией. Русская культура не была чужда другим европейским культурам, в том числе английской, имела с ними многочисленные точки соприкосновения и, очевидно, тяготела к все большему сближению. Не столь далекой для русской действительности, как это представляется на первый взгляд, оказалась даже английская политическая культура, сильно отличавшаяся от русской. Так, в русском языке легко нашлись подходящие слова и соответствия для обозначения английских сословно-представительных институтов и должностей: лорды — «бояре», палата общин — «мирская дума», «спикер» — речник (последнее слово пришлось буквально перевести, так как в русской

практике сословного представительства подобной должности не было).

Таким образом, наш главный вывод, который можно сделать даже по незначительным рассмотренным материалам, состоит в том, что Россия в этот период неуклонно шла по пути сближения с более передовой европейской культурой. Этим объясняется и такое лояльное, а местами даже восхищенное отношение к тем же англичанам и английской культуре. Подтверждением этого тезиса служит и такой филологический факт, что многие заимствования из европейских языков (слова «галера», «инженер», «президент», «флаг» и др.), которые принято считать заимствованными в петровскую эпоху, на самом деле, судя по источникам, начали употребляться именно в эти допетровские времена, задолго до рождения Петра ([25, с. 670], ср.: [4, с. 103]).

В заключение еще раз отметим огромную ценность опубликованных в середине прошлого века З.И. Рогинским источников, связанных с посольством в Англию Г.С. Дохтурова, для исторической имагологии. Как справедливо полагал и сам ученый, записки русского посольства служат не только источником по истории русско-английских отношений, но и ценным источником для истории Англии того времени [6, с. 8]. Они отражают взгляд со стороны, который является интересным дополнением к привычной хорошо известной по литературе истории Англии и английской революции.

Библиографический список

1. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. — Филологические науки. — 2011. — № 4.
2. Neuman B. Towards a Cultural and Historical Imagology. The Rhetoric of National Character in 18th-century British Literature // European Journal of English Studies. — 2009. — Vol. 13. — Iss. 3.
3. Козулин В.Н. Англия начала XVII века глазами русских // Известия Алт. гос. ун-та. — 2015. — № 4/1. DOI:10.14258/izvasu(2015)4.1-24.
4. Козулин В.Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой // Известия Алт. гос. ун-та. — 2015. — № 3/2. DOI:10.14258/izvasu(2015)3.2-15.
5. Рогинский З.И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века. — Ярославль, 1959.
6. Рогинский З.И. Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. — Ярославль, 1960.
7. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Литературное наследство. — Т. 91. — М., 1982.
8. Зевахин А.А. Политические задачи миссии Г.С. Дохтурова в Лондон в 1645–1646 гг. // Вестник ВятГГУ. — 2010. — № 3 (1).
9. Шестаков В.П. Англия глазами русских // Россия и Запад: диалог культур : сб. статей. — Вып. 3. — М., 1996.
10. Белокуров С.А. О посольском приказе. — М., 1906.
11. Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель Российской дипломатии. — М., 2003.
12. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. — М., 1989.

13. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии : в 12 т. — Т. IV. Герарди — Дюма. — М., 1993.
14. Ляпишев Г.В. Новые сведения для родословия Дохтуровых // 1812 год: война и мир : материалы IV Всерос. науч. конф. — Смоленск, 2012.
15. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. — М., 1975.
16. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.
17. Journals of the House of Lords. Vol. VII. L., s.a. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol7/pp688-696>
18. Гизо Ф. История английской революции: в 2 т. — Ростов н/Д, 1996. Т. I.
19. Journals of the House of Lords. Vol. VIII. L., s.a. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol8/pp372-373>
20. Journals of the House of Lords. Vol. VIII. L., s.a. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol8/pp206-207>
21. Journals of the House of Lords. Vol. VIII. L., s.a. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol8/pp337-339>
22. Любименко И.И. Англия и Россия в XVII в. // Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. — М., 1954. Т. II.
23. Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. — Вып. 15. — Серия исторических наук. — 1947.
24. Малето Е.И. Западный мир глазами русских путешественников XV века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / под ред. А.В. Голубева. — Вып. 1. — М., 2000.
25. Черникова Т.В. Европеизация в России во второй половине XV–XVII веках. М., 2012.